

Белые ресницы плотно закутанного молодого охотника нервно дрожали.

Он осторожно посмотрел на Цзи Гуана.

В его взгляде была надежда. Но ещё больше в нём было тревоги.

Он и сам не понимал, почему рассказывает почти незнакомому человеку о самом болезненном для себя.

Наверное, ему снова хотелось получить подтверждение.

Даже приёмный отец Мерон иногда смотрел на внешность сына с тревогой и тяжело вздыхал. Считал её чем-то неправильным. И заставлял его каждый вечер читать молитву солнцу.

В кладбищенской деревне Анатолий тоже был самым особенным и самым отвергнутым. Только проявляя достаточное благочестие и доказывая, что даже с множеством проклятий он остаётся верен владыке рассвета Лабаю, он мог получить признание господина Айберта и право жить здесь.

Анатолий действительно верил в бога, который защищает человечество. Он был искренним последователем солнца.

Даже несмотря на все несправедливости, которые ему пришлось пережить.

Но в то же время он считал, что никогда не будет принят богом.

Великому владыке рассвета не нужен последователь, который не может выносить свет.

Проклятие на его теле. Его странная внешность. Его хрупкая кожа...

Он понимал, что должен смириться. Но слова чужеземца всё равно разожгли в нём слабую надежду. Искра превратилась в маленькое пламя. И вместе с ней возникла ещё более жадная надежда.

На самом деле Анатолия больше всего волновала не столько проклятая судьба, сколько его внешность и тело.

Ему хотелось быть признанным. Хотелось быть принятым.

Хотя бы одним человеком.

Или... пусть этот человек просто скажет всё прямо и разом погасит эту слабость. Чтобы он больше не строил иллюзий.

— Понятно.

Цзи Гуан задумчиво кивнул и наклонил голову.

На его лице Анатолий увидел серьёзность.

Сердце мгновенно похолодело. Он невольно сжался и глубже спрятался в тени одежды. Волна разочарования мгновенно остудила горячую голову.

Да, конечно.

Даже если этот человек рыцарь богини судьбы и редкий среди людей последователь чужого бога, он всё равно остаётся человеком.

А люди веками жили под благословением владыки рассвета Лабая. Для них солнце всегда было особенным.

Так как же они смогут принять человека, который не может переносить солнечный свет?

Голова Анатолия опустилась.

Он мысленно посмеялся над собственной наивностью.

Зачем вообще было поднимать эту тему? Если бы он промолчал, чужеземец хотя бы не стал бы ненавидеть его странную внешность. Не стал бы ненавидеть проклятие на его теле.

Он не должен был быть таким жадным.

А Цзи Гуан...

Он просто задумался.

И в конце концов пришёл к выводу.

Эти симптомы... на самом деле ведь очень похожи на обычный альбинизм.

Альбинизм бывает разных типов, и нельзя судить обо всех одинаково.

В зависимости от типа у людей могут по-разному проявляться изменения цвета кожи, волос и глаз. Самые известные случаи — белые волосы и красные глаза. Но встречаются и светло-жёлтые, почти золотые волосы, голубые, серые или фиолетовые оттенки глаз. Всё это тоже проявления альбинизма.

Кроме того, разные формы болезни дают разные симптомы. Чувствительность к свету встречается почти у всех типов, но её степень различается.

Например, светобоязнь, непроизвольные движения глаз, ухудшение зрения, ожоги от солнца.

Вспоминая лекцию, которую когда-то слушал, Цзи Гуан внимательно анализировал внешность и поведение Анатоля.

Интересно, может ли в этом мире существовать какая-то новая разновидность альбинизма? Этот охотник выглядел гораздо здоровее, чем большинство пациентов, о которых он слышал.

Например, самое важное.

Зрение у него, кажется, вполне нормальное.

Это действительно важно. Для Цзи Гуана непереносимость солнца не была большой проблемой. Способов защититься от солнца много. А вот проблемы со зрением — совсем другое дело. У большинства людей с альбинизмом зрение снижено. В тяжёлых случаях оно может даже соответствовать полной слепоте. Наоборот, нормальное зрение встречается редко.

Конечно.

Цзи Гуан лишь предполагал, что зрение Анатоля нормальное.

Когда слышишь слово «охотник», сразу представляешь человека с острым зрением. Тем более что он недавно ещё разглядывал его лицо и говорил, что оно странное.

Но действительно ли это так, стоило проверить.

Возможно, вопрос прозвучит слишком прямолинейно. Но раз Анатолий уже поделился с ним своими переживаниями, вряд ли его смутит простой вопрос.

Цзи Гуан серьёзно спросил:

— А со зрением у тебя всё в порядке?

— ...?

Замкнувшийся в себе Анатоль на мгновение замер и немного поднял взгляд, встретившись глазами с Цзи Гуаном.

Лицо Цзи Гуана было серьёзным.

И не только серьёзным. В нём читались беспокойство и забота. Ни капли отвращения.

Слабая искра надежды снова затеплилась.

Анатоль немного поколебался и тихо повторил то, что говорил раньше:

— Просто при слишком ярком свете я плохо вижу.

Это можно понять. У людей с альбинизмом глаза действительно чувствительны. То, что обычному человеку кажется лишь слегка ярким светом, для них может быть почти ослепляющим.

Для охотника это серьёзный недостаток. Но Цзи Гуан, недавно побывавший в Великом лесу Бэйну, считал иначе. Он видел, насколько густ этот лес. Стоит углубиться немного, и свет становится тусклым. Если вне яркого солнца зрение остаётся нормальным, это, возможно, почти не мешает Анатолю.

Но Цзи Гуан хотел узнать не это.

Он хотел понять, какое у него зрение без помех.

— А кроме этого?

Цзи Гуан огляделся и указал на высокую ветку в густой тени над их головами.

— Видишь вон ту маленькую птицу? Там, наверху...

Анатоль поднял голову и сразу, с поразительной точностью, выхватил взглядом прыгающий среди листьев пушистый комочек.

Он выглядел ещё более растерянным. Он не понимал, зачем Цзи Гуан спрашивает, поэтому

ответил так, как ответил бы охотник.

— Ты про синепёрого поползня? Он слишком маленький. Кажется круглым, но это всё перья. Сбивать его смысла нет, есть там нечего. Или тебе перья нужны, чтобы сделать ожерелье? Тогда подожди, я схожу за луком...

Похоже, стоило Цзи Гуану кивнуть, и Анатоль бы действительно пошёл охотиться на птицу.

Цзи Гуан поспешно замотал головой.

— Не надо, правда не надо.

Отлично. Значит, вне яркого света со зрением всё в порядке. Более того, динамическое зрение у него явно отличное. Такую маленькую птицу он нашёл мгновенно. По интонации можно было предположить, что и стреляет он хорошо. Даже если зрение не выдающееся, оно точно не слабое.

Конечно, у некоторых людей с альбинизмом в молодости зрение может быть нормальным, а потом, в каком-то возрасте, резко ухудшиться. Это зависит от генетики, общего состояния и привычек, потому что глаза у таких людей более чувствительные и хрупкие.

Но сейчас всё нормально. Кроме профилактики, не стоит накручивать себя лишним.

Иначе всю жизнь будешь бояться то одного, то другого, и жить станет слишком тяжело.

Цзи Гуан вымыл руки и успокаивающе похлопал Анатоля по плечу.

— Раз зрение в порядке, значит всё хорошо. Не переносишь солнце, ну и пусть. Надел одежду, надел шляпу, и спокойно бегаешь под солнцем. Не можешь стоять под полуденным солнцем, и что с того? Я сам в полдень выходить не люблю. Не только ты. Я раньше на полуденных тренировках так обгорал, что кожа слезила.

По тону героя было ясно, что он искренне не видит в этом никакой проблемы.

А Цзи Гуан, который по ту сторону экрана терпеливо выбирал варианты взаимодействия и отвечал, тем более так не считал.

Да, солнце может быть полезным, но если оно слишком сильное и слишком долго, эффект будет обратным. По крайней мере врач не станет советовать «оздоравливаться» под полуденным солнцем. Во всём нужна мера.

А вот глаза Анатоля по-прежнему беспокоили Цзи Гуана.

Он не знал, стоит ли лезть с советами. Он и сам понимал это поверхностно. Он лишь однажды слушал лекцию и даже до уровня «полузнайки» не дотягивал.

Но в этом мире, похоже, даже самого понятия такого не существовало. Да и сам Анатолий явно не понимал, что именно с ним.

До сих пор его привычка укутываться была скорее следствием неуверенности и лишь случайно давала защиту здоровью.

Поэтому Цзи Гуан всё же выбрал вариант:

□Дать советы по повседневному уходу.□

— И ещё. Про твои симптомы. Я у себя на родине кое-что слышал, хотя знаю не так много. Но могу подсказать пару вещей. Помимо защиты от солнца обязательно береги глаза. При таком состоянии из-за нехватки пигмента они более уязвимы, чем у обычных людей. Не думай, что раз сейчас всё нормально, можно себя заставлять и перенапрягать зрение. Солнце можно закрыть одеждой, а вот если зрение испортится, это будет куда хуже, верно?

Он говорил чуть строже и серьезнее, но это была очевидная забота.

Он даже начал объяснять, из-за чего возникает альбинизм, хотя Анатолий, разумеется, не понял. Потом он перечислил продукты, которые полезны для глаз, хотя большинство из них Анатолю тоже были незнакомы.

Молодой охотник слушал молча. Иногда он коротко отвечал «угу». Потушенное смущение будто вернулось в голову, и Анатолий, словно в тумане, думал только о том, что голос у этого человека очень приятный. В нём слышался мягкий акцент, почти как диалект. Это сочеталось с его внешностью и усиливало ощущение чужой, далёкой загадочности.

Затем молодой человек с чёрными волосами улыбнулся. Улыбка была яркая.

Чёрные глаза, чистые, как зеркало, отражали лицо Анатоля, который был укутан до самых глаз.

— И ещё. Самое, самое, самое главное.

Цзи Гуан произнёс отчётливо и уверенно.

— Ты просто живёшь немного иначе, чем другие. Вот и всё. Точно так же, как кто-то не может есть креветки. Съест, и будет сильнейшая аллергия, может даже в обморок упасть. А кто-то не переносит молоко. От него идёт сыпь, начинает болеть живот. Это врождённая особенность, и больше ни с чем она не связана.

Самое важное в повседневной заботе о людях с альбинизмом — это защита от солнца, защита от яркого света и защита от самоедства.

Особенно защита от самоедства.

Анатолий молчал.

Анатолий молчал ещё дольше.

В голове у него гудело. Такой ответ оказался лучше, чем он смел ожидать, и ударил в него прямо, без обходных путей, так, что у него закружилась голова.

Он даже не удержался и спросил, словно пытаясь убедиться.

— ...Ты человек?

— Конечно.

Анатолий что-то пробормотал, запнулся и наконец выдал:

— Тогда ты и правда странный.

— А теперь то что?

Цзи Гуан широко раскрыл глаза.

— Ты опять говоришь, что я странный.

— Я не в плохом смысле.

Анатолий замахал руками и поспешно заматал головой.

— Я просто... я никогда не видел человека, которому было бы всё равно, что я не могу переносить солнце.

— Почему?

Цзи Гуан искренне удивился.

— Им что, больше заняться нечем? Такие бездельники? Или им домашнего задания не задавали?

— Дело не в этом.

Иногда Анатоль всерьёз не понимал, притворяется ли Цзи Гуан.

— Дело в господине Лабае.

Цзи Гуан выпалил:

— А кто такой Лабай?

Анатоль был шокирован.

Он чуть не подпрыгнул.

— Это же глава Девяти столпов света. Ты что, никогда не учил богословие?

Богословие?

Извини, но я вырос в мире, где принято быть убеждённым атеистом. Максимум я становлюсь верующим, когда люди молятся богатству.

Цзи Гуан мысленно пробормотал это, а вслух сухо сказал:

— Я знаю только богиню судьбы Тину.

В конце концов это она дала мне точки сохранения. Великая, могущественная и вообще лучшая богиня.

Анатоль долго не мог прийти в себя. Казалось, он наконец всё понял. На мгновение ему стало даже смешно и горько одновременно.

Он не знал, чему радоваться больше. Тому, что Цзи Гуан не поклоняется Лабаю и не будет из-

за этого считать его чудовищем, или тому, что как верующий в солнце он должен бы отрубить этого наглого иноверца. Даже если человек поклоняется другим богам, он не должен так пренебрежительно относиться к защитнику человечества, которому люди обязаны веками.

Но в итоге Анатоль лишь вздохнул.

Он объяснил:

— Владыка рассвета Лабай, бог, которому поклоняются люди. Бог света, который управляет рассветом, надеждой и солнечным сиянием. И ещё. Никогда не спрашивай об этом при других. Даже если придётся, притворяйся, что знаешь. Сейчас многие верующие очень радикальны. Они не потерпят и намёка на неуважение к богам.

Сказав это, Анатоль помрачнел.

Ему не хотелось злиться, поэтому вопрос Цзи Гуана вызвал в нём скорее печаль.

— Это из-за того, что почти все Девять столпов света исчезли? Всё больше людей бросают веру. Там, где ты жил, вера уже стала редкостью? Поэтому старшие вообще тебя не учили, и ты настолько ничего не знаешь? Ты выглядишь на пятнадцать, шестнадцать. А знаешь только госпожу Тину, которая выбрала тебя рыцарем. Больше никого. Это многое говорит...

Цзи Гуан вытаращил глаза.

Лицо стало совершенно ошеломлённым, и он громко запротестовал:

— Подожди, ты о чём. Мне двадцать. Где я похож на пятнадцатилетнего?

Анатоль завис. Он даже забыл, что только что грустил.

Он тоже широко раскрыл глаза и с ещё более неверящим выражением спросил:

— ...Мы ровесники?

— Да! — Цзи Гуан вспыхнул. — Что, это так странно? Я всего лишь чуть ниже тебя. Где я не похож на ровесника? Почему я вдруг стал моложе на четыре, пять лет?

— Да ты вообще не похож!

Анатоль повысил голос ещё сильнее.

Они смотрели друг на друга, упрямо не уступая.

Анатолий подумал: «Почему не похож? Похож буквально всем».

Мягкие черты, чистое, неопытное выражение лица, округлая форма глаз, слегка приподнятые уголки, кожа почти без мелких морщин.

Во всём ощущалась молодость.

Поэтому и Мерон, и Анатолий в мыслях называли этого чужеземца «парнишкой». А Мерон, который старше, даже тайком называл его «малыш».

Анатолий всё равно не мог поверить. Он решил, что Цзи Гуан врёт про возраст.

Некоторые подростки просто хотят быстрее стать взрослыми. Не хотят, чтобы их считали слабыми и неспособными, вот и прибавляют себе пару лет.

В любом случае, как он может быть ровесником.

Цзи Гуан на мгновение потерял дар речи. Потом вздохнул. Он ещё раз подчеркнул, что возраст не выдумывал, и больше не захотел возвращаться к теме.

Он снова вернул разговор к главному. Он разобрался, насколько важен для людей владыка рассвета, и по историям о религиозных преследованиях, которые когда то читал, наконец понял источник неуверенности Анатолия.

— То есть ты человек, но солнце легко обжигает твою кожу, и некоторые идиоты решили, что ты урод?

Анатолий тупо кивнул. Он даже не заметил, что Цзи Гуан злобно назвал тех людей идиотами.

Хотя эта тема всегда ранила, сейчас Анатолий всё ещё был слишком занят возрастом Цзи Гуана и не успел провалиться в прежние тяжёлые воспоминания. Поэтому на редкость спокойно сказал:

— Люди поклоняются богу солнца. Разве моя внешность и тело не доказательство того, что бог меня отверг? Если бог отверг, да ещё и во мне проклятие, получается, мне уже не спастись.

Белая кожа никому не нравилась. Люди считали добрым знаком только такую кожу, как у Мерона, загорелую и будто наполненную солнцем.

А невозможность переносить солнце считалась признаком того, что человек отвергнут. И если при этом на теле ещё появлялись чёрные, колючие метки проклятия, то простое отвращение было ещё мягким отношением.

Были и куда более фанатичные. Они говорили, что раз он «не выносит света», значит бог уже увидел его сущность. Значит, он всё равно станет монстром, поэтому его нужно убить заранее.

Если бы тогда Мерон не подобрал его и не привёл на кладбище, у Анатоля, возможно, вообще не было бы шанса вырасти.

У Цзи Гуана на это были свои мысли.

— ...

Господи, как знакомо это звучит.

Прямо средневековая охота на ведьм. Виноват ты или нет, решает тот, кто громче орёт.

Альбинизм всего лишь генетическая особенность. Даже если принять, что это мир, где боги действительно существуют, в этой логике всё равно есть явная трещина.

— «Рассвет», это же утренний свет, верно?

Цзи Гуан придрался к словам и точно уловил противоречие.

— Ты ведь можешь быть на солнце утром. Почему тогда тебя называют отвергнутым? Ваш... человеческий бог «Владыка рассвета». В его имени главное как раз рассвет, разве нет?

Анатолий замер. Похоже, он никогда не смотрел на это так.

Цзи Гуан говорил серьёзно, и даже немного сердито.

— Если подумать иначе. Пусть твоя кожа и правда слишком чувствительная и легко обгорает, но рассвет всё равно готов укрывать тебя самым мягким светом.

— И что это значит? Это значит, что солнце тебя не отвергало.

...

А по ту сторону экрана Цзи Гуан сжимал геймпад, быстро выбирал варианты взаимодействия и

в мыслях ругался куда прямее.

Какая ещё «воля бога». Бог лично им это сказал? Нет. Тогда какое право у посторонних нести чушь, прикрываясь именем бога, и клеить людям ярлыки. Как будто они с богом на короткой ноге.

И даже если представить, что бог действительно что-то сказал. Бог, который презирает человека за врождённую особенность, когда тот ничего плохого не сделал, и ещё хочет его убить. Что это за бог такой, которому вообще стоит поклоняться.

Да лучше уж верить в летающего макаронного монстра.

По крайней мере макароны можно съесть. И они вкусные.

<http://bllate.org/book/16948/1574988>